

Александръ (хочетъ взять):—А вотъ увидимъ.

Ванюшка:—Я закричу-сь, вашъ братецъ услышитъ!

Александръ (въ сторону):—Попробую другой способъ! (Ему). Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; онъ твой, если ты дашь мнѣ ее прочесть—такъ, изъ любопытства.

Ванюшка:—Только никому сами не извольте сказывать.

Александръ:—Я буду молчаливъ, какъ могола. (Высypаетъ деньги въ руки).

Ванюшка:—А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

Александръ (про себя):—Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. (Читаетъ). «Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите—въ этомъ я также увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залъ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ корридоръ; если черезъ два часа я не получу желаемого отвѣта, то идите къ вашему мужу, заставлю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ клянусь вамъ честію... Ничто его не спасетъ, въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте». А! искусно написано!..

Ванюшка:—Пожалуйте, сударь, записку—мнѣ пора.

Александръ:—А если я ее изорву, говори, что ты хочешь за это; все, что попросишь... Тысячу, двѣ?..

Ванюшка:—И миллиона не надобно-сь.

Александръ:—Я тебя умоляю!..

Ванюшка:—Вотъ видите, сударь, мнѣ вѣрно ее отнести, и я отнесу; о томъ, чтобы ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показать.

Александръ (подумавъ):—Хорошо, отнеси ее! (Слуга уходитъ). (Про себя). Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая заброшенная комната; развалившійся каминъ; съ лѣвой стороны виденъ корридоръ, освѣщенный въ окна луной, въ корридорѣ слышится лѣстница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Луное освѣщеніе.

Александръ (входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ихъ ключомъ; онъ въ широкомъ плащѣ):—Хоть старъ замокъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царю!.. Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое,

какъ хлѣбъ нишаго—за то я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей; мой огненный поцѣлуй, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этой мыслию; оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливы, вмѣстѣ и страдать!—Въ темнотѣ, подъ этимъ плащомъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить два-три ласковыя слова... О! какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль.—Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30-лѣтнія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. (Задумывается). Да, мнѣ 30 лѣтъ... а что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?.. Говорятъ, что я эгоистъ: итакъ, я жилъ для себя?.. Нѣтъ... я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?—также нѣтъ... я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ—одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе—и потому одинъ разъ встрѣтить что-то похожее на любовь—однажды только разъ—и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже, можетъ быть, лишней чашкѣ шоколаду... наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству—потерять все—и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. (Ходитъ взадъ и впередъ). Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна... Я, право, кажется, могъ бы теперь съ любимымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ: видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужъ я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. (Вѣра показывается на лѣстницѣ). Это она... такъ точно—теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

Вѣра.—Довольны ли вы... Что можете сдѣлать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня такимъ средствомъ.

Александръ:—Я также выбралъ между жизнью и смертію.